Голосъ древней русской церкви

объ улучшеніи быта

несвободныхъ людей.

Рѣчь, произнесенная 8 Ноября 1858 года на торжественномъ актѣ Казанской духовной Академіи, въ память основанія ея,

баккалавромъ А. Щаповымъ.

Казань.

Изданіе Книгопродавца Ивана Дубровина.

1859.

Отъ Комитета духовной цензуры при Казанской Академіи печатать позволяется. 18 декабря 1858 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, *Архимандритъ Филаретъ.*

127
38

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

ГОЛОСЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА

НЕСВОБОДНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

—

М. Г.

Въ настоящее время Россія занята великою, всенародною думою, самымъ важнымъ вопросомъ изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ отечества. Съ 20 ноября прошлаго года, когда благодушный Государь нашъ Императоръ Александръ Николаевичъ возвѣстилъ волю свою объ улучшеніи быта 25 милліоновъ несвободнаго сельскаго населенія и призвалъ дворянство къ общему разсужденію объ этомъ дѣлѣ, быстро пронеслась эта радостная, цѣлыя вѣка вожделѣнная вѣсть по всей широкой землѣ

русской, по всѣмъ городамъ и селеніямъ: дѣло это теперь составляетъ предметъ всеобщаго вниманія, всеобщихъ толковъ и сужденій—и въ живомъ словѣ и въ литературѣ. Россія немного запомнитъ въ исторіи своей такихъ эпохъ, когда весь народъ русскій, всѣ, начиная отъ Дворца царскаго, отъ палаты вельможи и до послѣдней хижины, такъ живо думали одну думу великую, народную. Осуществленіе этой думы будетъ великое, достойное величія Россіи, событіе, лучшее украшеніе юбилея тысящелѣтія, который она будетъ праздновать въ 1862 году. Это плодъ и торжество не одного современнаго просвѣщенія и цивилизаціи, но и плодъ и торжество Христіанства; это—*лѣто Господне пріятное*—не только для Государства русскаго, но и для Церкви русской. Это высокій нравственный подвигъ христіанской любви, христіанскихъ идей о нравственномъ достоинствѣ, правахъ и благѣ человѣчества. Въ эту минуту, м. г., изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ, съ того конца исторіи нашей, когда только-что развивалось рабство въ Россіи, намъ слышится голосъ древней русской Церкви, съ живымъ сочувствіемъ отзывающійся на современный вопросъ объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, и призывающій современную русскую Церковь обратить, и съ своей стороны, на него живѣйшее вниманіе.

Просимъ вниманія—выслушать вкратцѣ этотъ голосъ древней нашей Церкви.

Перенесемся мыслью на минуту въ темные средніе вѣка нашей исторіи, когда только-что еще возникало у насъ рабство. Дремучіе лѣса покрывали тогда еще самую большую часть русской земли, особенно на сѣверо-востокѣ, куда безпрестанно шелъ древній русскій земледѣлецъ-кочевникъ, съ своей завѣтной «сохой и косой», убѣгая отъ поработительнаго насилія сильныхъ—землевладѣльцевъ, и ища труда легкаго и льготнаго. За дремучими дебрями рѣдко видиѣются города, главные исходные пункты рабства и крѣпостнаго права. Бѣлокаменная Москва, откуда, по слову Царя нашего, должна была прежде всего возсіять свобода несвободнаго народа, тогда только еще чуть возвышалась, росла. Кругомъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, видиѣлись однѣ деревни, деревни, да *починки*. При обладаніи лѣса надъ полемъ, при постоянномъ стремленіи и углубленіи народа въ лѣса съ топоромъ, косой и плугомъ, при этомъ постоянномъ «*посаженьи и поставленьи деревень на лѣсѣхъ*», о которомъ говорятъ древніе наши акты,—деревня преобладала надъ городомъ и не знала еще крѣпостныхъ отношеній къ городу, къ городскимъ землевладѣльцамъ.—Но возрастаетъ городъ за городомъ, а въ городѣ воз-

вышается боярскій теремъ, высокій домъ съ гридницей, сѣнями, переходами и высокимъ крыльцомъ, съ дымникомъ наверху, огороженный зубчатой стѣной или заборомъ: и вотъ—слышится изъ этого дома плачь и рыданіе и вопль. Это что такое? Это,—отвѣчаетъ намъ голосъ древней Церкви,—рабы, *боярскіе холопы*, претерпѣвающіе отъ господъ своихъ насиліе и побои, моримые голодомъ, томящіеся въ наготѣ и всякаго рода лишеніяхъ. Какъ же эти несчастные попали въ рабство и откуда это насиліе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ гражданское состояніе русскаго общества въ тѣ вѣка и положеніе рабовъ. Юный народъ русскій, полный кипучей энергіи, свѣжести, силъ и страстей, въ то время находился еще только на второй ступени своего общественнаго развитія, на переходѣ къ *гражданскому быту*, когда въ обществѣ сильны бываютъ стремленія владѣльческія, когда личность, только-что вышедшая изъ роду—племени, изъ родоваго быта, отказавшись отъ общаго родоваго владѣнья и имущества, жаждетъ, ищетъ частнаго, личнаго владѣнія, господства и собственности, и, при отсутствіи или слабости закона, въ этомъ стремленіи своемъ не знаетъ никакихъ границъ и сдержекъ, когда, слѣдовательно, сильная личность преобладаетъ, или иначе сказать, въ обществѣ

господствуетъ частное право, право сильнаго. Въ эту-то эпоху у насъ особенно развилось, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ пріобрѣтенію имущества, стремленіе къ порабощенію свободныхъ людей. Сильно, необузданно было это стремленіе при сильномъ кипѣніи страстей юнаго народа, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни. При отсутствіи или слабости закона, каждая сильная личность, движимая ничѣмъ неукротимой жаждой владѣнія, господства, стремилась, такъ сказать, поглотить, поработить всѣ другія, менѣе сильныя личности. Богатые и сильные, по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка, епископа Серапіона, «акы звѣрье» въ ненасытномъ стремленіи къ пріобрѣтенію и порабощенію, «жадали абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнья порабощали, не миловали сиротъ, не знали человѣческаго естества (1); друзіи же, имѣнія не насыщешася и свободные сироты порабощаютъ и продаютъ» (2). Вотъ *тіунъ*, судья, мучимый ненасытимой жаж-

(1) «Прибав. къ Тв. св. отц.» за 1843 г. ч. 2. стр. 195.

(2) «Прав. Собесѣд.» за 1858 г. іюль: новыя поученія Серапіона.

вой кунъ, богатыхъ пировъ и обѣдовъ, несправедливо осуждаетъ невиннаго, и продаетъ бѣднаго въ рабство богатому и сильному. Вотъ *ръзоимецъ* или ростовщикъ даетъ въ займы деньги бѣдному за безбожные проценты: приходитъ срокъ, и, если бѣдный не уплачиваетъ всего долга и роста,—онъ дѣлается *вѣчнымъ холопомъ* рѣзоимца. Тамъ *ябедникъ*, сутяга подкупаетъ многихъ послуховъ—*лжесвидѣтелей* на свободнаго человѣка,—и судъ отдаетъ ему въ холопство этого спроту, кругомъ опутаннаго несправедливой клеветой А вотъ шайки *ушкуйниковъ* нарочито устремляются по дорогамъ на добычу рабовъ, хватаютъ по селамъ крестьянъ и продаютъ ихъ въ рабство бусурманамъ... Такими и многими другими способами совершалось порабощеніе свободныхъ людей. И жалка, грустна была участь этихъ несчастныхъ жертвъ насилія! Ихъ, какъ вещь, какъ имущество, можно было продать, заложить, украсть, уничтожить. Ихъ можно было убить:—и холопъ не смѣй искать правосудія на господина: права иска на господина холопъ лишенъ былъ *русской правдой* и *уставной грамотой* (1). Холопъ не имѣлъ

(1) *Акт. арх. эксп.* т. 1. № 13. см. также *русскую правду* по позднѣйшимъ спискамъ ст. 58. 68. 82. 84. 108. 111 и мног. др.

права семейной жизни, не имѣлъ права собственности: все, что онъ могъ пріобрѣсть собственнымъ трудомъ, было собственностію господина, а холопъ оставался нагъ, босъ и голоденъ. Холопъ лишался даже возможности быть истиннымъ христіаниномъ, исправлять дѣла благочестія, ходить въ церковь, получать христіанское воспитаніе и нерѣдко умиралъ даже безъ крещенія. Вотъ отъ этихъ-то несчастныхъ и слышится тотъ горькій плачь, рыданіе и вопль на немилостивыхъ старѣйшинъ и бояръ, о которомъ говорятъ наши лѣтописи и древніе пастыри Церкви. Такъ доносится до насъ вѣковой горькій плачь жалкаго *заточника*—несчастнаго холопа, отъ XIII вѣка, съ дикихъ береговъ олонецкаго озера Лача; слышится плачевный голосъ Даніила заточника, разнесшійся по всей древней Россіи, съ сочувствіемъ повторяемый всѣмъ русскимъ народомъ въ древнее время. Горькое недовольство угнетающею дѣйствительностью, желаніе выйти изъ безотраднаго положенія вѣчнаго холопства, насилія и неправды; горечь въ самомъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, никѣмъ не признаннаго, смѣлый протестъ противъ безмысленнаго оскорбленія, наносимаго нѣжнѣйшимъ, благороднѣйшимъ и самымъ возвышеннымъ чувствамъ и правамъ человѣка, каковы семейная любовь и благо-

честіе; желаніе хоть въ монастырѣ, хоть въ пустынѣ дикой возвыситься надъ рабскимъ положеніемъ въ мірѣ, почувствовать себя человѣкомъ, сознать свою нравственно-разумную свободу: вотъ что слышится въ плачѣ горькаго *заточника*,—порабощеннаго человѣка. Какая-то горькая насмѣшка, что-то въ родѣ сатирическаго озлобленія слышится въ голосѣ заточника, когда онъ вспоминаетъ состояніе холопа. Онъ лучше хочетъ всего себя предать главному, верховному властителю—князю, лучше хочетъ отказаться отъ всѣхъ матеріальныхъ благъ въ домѣ своего порабoтителя боярина, чѣмъ жить безъ отраднаго, живительнаго внутренняго чувства нравственной свободы. «Лучше мнѣ видѣть,—вопіетъ онъ къ князю изъ далекой пустыни,—свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ сапогѣ, въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько ни гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ.... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежь,

не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ» (1).

Вотъ въ отвѣтъ на этотъ-то горькій плачь заточника—древняго русскаго раба, и раздался не медля спасительный, утѣшительный голосъ Церкви, голосъ Христіанства объ улучшеніи участи рабовъ. Великая будущность ждетъ тотъ народъ, полно жизни и силы то общество, въ которомъ и посреди общественной неправды, среди сильнаго стремленія къ порабощенію, громко раздается могущественный голосъ разумнаго сознанія правды, и противопоставляется сильное стремленіе къ нравственной свободѣ человѣческаго достоинства,—въ которомъ подлѣ грубой матеріальной силы, подлѣ господства сильной личности, стремящейся поработить себѣ слабыя личности, выступаетъ могущественная духовная сила, воздвигаются личности, облеченныя силою духа и правды, какъ пророки, защищающіе вдовъ и сиротъ и во имя Христіанства возвѣщающіе отраду несправедливо порабощаемымъ людямъ. Церковь

---

(1) Слово Даніила заточника, изд. въ «Памятн. росс. словесн. XII в.» стр. 227—240. Издано также и въ 1 кн. «Русской бесѣды» за 1857 годъ. Оно весьма уважалось въ древней Россіи, такъ что даже лѣтописцы при имени Лача-озера замѣчали: «идѣже бѣ Данило заточеникъ». (П. с. лѣт. подъ 1378 г.).

русская, въ эпоху первоначальнаго развитія въ Россіи рабства, уже явилась такой крѣпкой духовной силой, единственной, которая могущественно сдерживала стремленіе матеріальной силы къ порабощенію, и этому стремленію противополагала стремленіе къ улучшенію участи порабощенныхъ. Изъ Церкви, съ каѳедры храма, изъ монастыря, изъ келліи подвижника, въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ, неумолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту людей несвободныхъ, голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или по крайней мѣрѣ улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Вотъ немилосердый поработитель человѣка, богатый, но жестокосердый рабовладѣлецъ думаетъ успокоить свою совѣсть: идетъ въ Церковь и ставитъ множество свѣчь предъ олтаремъ, подаетъ милостыню нищимъ отъ имѣнья, пріобрѣтеннаго трудами рабовъ, лишними накладами на порабощенныхъ, отъ доходовъ селъ, принадлежавшихъ другимъ и отнятыхъ имъ. Надъ нимъ тотчасъ гремитъ слово Церкви: «богачь! ты зажегъ на свѣтильникахъ Церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли обидимые тобой рабы, сироты и вдовы съ воздыханіями къ Богу на тебя. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу. О лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣ-

щать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты изобидѣлъ. Это лютость, а не милостыня—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы сиротины, а другіе рабы твои муками и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишенные и ограбленные,—тѣ всѣ съ плачемъ вопіютъ на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда даетъ» (1). Вмѣстѣ съ симъ пастыри древней нашей Церкви постоянно и строго наказываютъ и священникамъ отнюдь не принимать въ храмъ даровъ «отъ злаго господина, который челядь свою муками и ранами томитъ, налагаетъ на нихъ работу не по силѣ, моритъ голодомъ, томитъ наготою» (2). Вотъ идетъ на

(1) *Измарагдъ* ркп. солов. библ. XV вѣка. № 270. л. 187: «слово о немилостивыхъ богатыхъ».

(2) *А. И. т.* 1. № 109.—*Сборн.* солов. библ. № 826. л. 311: «поученіе иже во святыхъ отца нашего

исповѣдь жестокосердый господинъ, безжалостно отвергающій слезы и челобитныя угнетеннаго раба, испрашивающаго позволеніе откупиться на волю, и, наконецъ, только за безбожную цѣну возвращающій ему личную свободу. Прежде, чѣмъ этотъ господинъ приходитъ на исповѣдь, Церковь уже строго наказала священникамъ такъ поучать подобныхъ господъ—рабовладѣльцевъ: «о горѣе всего тѣмъ, которые берутъ *изгойство* (лишнія деньги съ выкупающихся отъ рабства): не увидятъ милости непомиловавшіе равнаго себѣ, созданнаго рукою Божіею человѣка, ненасыщающіеся, недовольные урочною цѣною за свободу, и полагающіе цѣну *не по закону Божію.* Еще горе на горе прилагаютъ душѣ своей, когда при этомъ не только свои души губятъ, но и поставляютъ *послуховъ*—свидѣтелей по себѣ и по своей злобѣ, которыхъ влекутъ къ своимъ же злымъ судьямъ большими дарами и мздами. Также, *если кто продаетъ челядина, пусть столько же беретъ за него, сколько самъ далъ*: если же беретъ лишнее, то, значитъ, беретъ наклады и торгуетъ живыми душами, съ которыми предстанетъ и на

Евфимія, архіепископа великаго Новгорода».—Также *кормчая* сол. библ. № 858.

судъ Божій. Также, *если кто выкупается на свободу, пусть столько же дастъ за себя, сколько дали за него.* Потомъ, *если онъ будетъ свободенъ, то уже и дѣти его свободны*; а если кто станетъ дѣтей его брать въ рабство, и съ нихъ потомъ взыскивать *изгойство* (лишніе деньги за свободу),—тѣ обрящутся кровь неповинную продающими, и взыщется отъ руки ихъ кровь та предъ Богомъ на страшномъ судѣ: лучше бы имъ не родиться. Свидѣтель сему самъ Богъ Іисусъ Христосъ, который самъ искупилъ насъ своею кровію отъ рабства діавола и отъ человѣческой неправды и злобы. И самъ Господь сказалъ: нѣтъ милости не сотворившему милости» (1).— Такъ, по суду древней русской Церкви, одно взиманіе *изгойства*, т. е. лишнихъ денегъ съ выкупающихся отъ рабства на свободу, считалось уже самымъ тяжскимъ грѣхомъ. Оно приводило въ страхъ благочестивыхъ пастырей. Между прочимъ вотъ еще толкованіе на молитву Господню; слова молитвы Господней: *избави насъ отъ лукаваго*—напоминаютъ толкователю изгойство, и у него тотчасъ не-

(1) Это замѣчательное поученіе находится въ *сборной кормчей* солов. библ., писанной въ 1493 г. при Геннадіи архіеп. новгородскомъ. № 858. *л.* 382—383.

вольно исторгается грозный судъ противъ изгойства: «горче всего, говоритъ онъ, брать изгойство: изгойство—безконечная бѣда, непрестающія слезы, немолчное воздыханіе, неусыпающій червь, несогрѣемая зима, неугасающій огонь» (1). Или вотъ, приближаясь къ гробу, немилостивый поработитель свободныхъ людей заказываетъ, чтобъ его погребли близь церкви: погребеніемъ близь Церкви надѣялся онъ умилостивить Бога за свой тяжкій грѣхъ изгойства и порабощенія. Но Церковь такому отвѣчала: «если кто—рѣзоимецъ, обидникъ и грабитель положенъ въ церкви, ежели онъ кого поработилъ въ жизни, тѣ, пришедши ко гробу его, возопіютъ на него со слезами къ Богу: Господи Боже! Ты местникъ обиднику нашему: о горе таковымъ, хотя и въ церкви положены будутъ» (2).

Обличая жестокосердыхъ рабовладѣльцевъ за ихъ нечеловѣколюбивое обхожденіе съ рабами, за то, что они не отпускали на свободу выкупающихся отъ рабства, или брали слишкомъ большую цѣну за свободу,—Церковь поучала всѣхъ вообще рабовладѣльцевъ обра-

---

(1) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи. кн. 2. пол. 2.

(2) *Измарагдъ* ркп. сол. библ. № 270. *л.* 171: «*слово о кладущихся въ церкви*».

щаться съ рабами, какъ съ своими чадами, заботиться отечески объ ихъ матеріальномъ и духовномъ благѣ. Вотъ напр. одно изъ многихъ—«*слово Церкви къ тѣмъ, которые имѣютъ челядь*»: «если кто изъ васъ имѣетъ рабовъ и рабынь, учите ихъ и побуждайте къ крещенію и покаянію, и наставляйте на законъ Божій и грозою и ласкою. Ты игуменъ въ своемъ дому. Если не учишь ихъ, то отвѣтъ дашь за нихъ предъ Богомъ. И корми ихъ довольно, снабжай одеждами и яствами,— и что имѣете и чего они попросятъ, давайте, да не въ скорби ходятъ. А не безчествуйте ихъ: ибо они такіе же люди, только вамъ въ услуженіе даны Богомъ. Если же вы имъ не дадите одежды и пищи, а они не стерпя голоду и наготы, начнутъ красть и разбивать, вы дадите отвѣтъ предъ Богомъ за то.... Позаботимся, братіе, о спасеніи нашихъ слугъ, чтобы они были добры и знали страхъ Божій... Если рабы наставлены будутъ на страхъ Божій, то будутъ тебѣ пособниками въ добрѣ. Не оставляй своихъ рабовъ и рабынь праздными: ибо праздность ведетъ ко многому злу. Но и не отягчай чрезъ силу раба и рабыню, чтобы они въ горести не воздохнули на тебя къ Богу. Богъ услышитъ вопль ихъ, и пролѣтъ на тебя гнѣвъ свой... Господа! удовлетворяйте рабовъ своихъ, да не опечалива-

ются душами своими и да не скорбятъ изъ-за тѣлесной скудости; всѣхъ дѣлайте довольными. Учите ихъ закону; если кто не послушаетъ тебя, ты накажи его, но не чрезъ силу: такъ спасешь его душу, и тѣмъ его предохранишь отъ человѣческихъ пороковъ. Если же имѣешь добраго раба, то имѣй его не только какъ брата, а какъ сына. А если озлобишь его, когда онъ хорошо работаетъ на тебя, то онъ убѣжитъ на другую землю отъ тебя» (1). Обличаемый и поучаемый такимъ образомъ въ Церкви, вотъ идетъ богатый рабовладѣлецъ въ монастырь: за нимъ везутъ изъ его житницъ цѣлый возъ хлѣба на братію. Тутъ выходитъ къ нему старецъ, подвижникъ монастыря, и тихо, кротко отвѣчаетъ на его предложеніе: «сынъ мой! что ты нынѣ приготовилъ для насъ, то отнеси назадъ домой: у тебя въ дому есть работники, напитай напередъ рабовъ своихъ, и только остатки, какіе останутся отъ нихъ, принеси нашей нищетѣ, и тогда будешь истинный милостивецъ» (2). «Это великій подвижникъ (Димитрій вологодскій) сказалъ господину для того,—замѣчаетъ жизнеописатель,—чтобы онъ не былъ золъ къ своимъ рабамъ, и

---

(1) *Измарагдъ* солов. библ. № 270. л. 97.

(2) Сборн. сол. библ. № 805. л. 150—151: «житіе Димитрія вологодскаго».

такъ поучалъ преподобный не одного этого господина, но и всѣхъ». А мы, на основаніи многихъ историческихъ свидѣтельствъ, прибавимъ: такъ поучалъ рабовладѣльцевъ не одинъ этотъ великій подвижникъ, слова котораго мы привели, но и другіе и вообще всѣ: рѣдкое жизнеописаніе великаго подвижника древней русской Церкви не украшается такими поученіями. Такъ напр. великій просвѣтитель сѣвернаго поморья—Зосима самъ терпѣлъ жестокія притѣсненія отъ боярскихъ рабовъ, промышлявшихъ на новгородскихъ бояръ въ сѣверномъ поморьи, такъ что принужденъ былъ лично идти въ Новгородъ—испрашивать у бояръ защиты отъ ихъ рабовъ; но тамъ съ презрѣніемъ встрѣчаетъ его богатая сѣверно-поморская помѣщица, знаменитая новгородская боярыня Марѳа посадница. А чрезъ нѣсколько времени приходитъ изъ Новгорода къ томуже преп. Зосимѣ въ Соловецкій монастырь богатый рабовладѣлецъ съ богатыми дарами. Чтожъ? Зосима забываетъ всѣ обиды, какія терпѣлъ отъ рабовъ новгородскихъ бояръ, не беретъ даровъ отъ рабовладѣльца, а прежде всего поучаетъ его самого—человѣколюбиво обходиться съ рабами, не морить ихъ голодомъ и наготою, а держать въ любви. Или: доходитъ слухъ объ извѣстномъ рабовладѣльцѣ до великаго подвиж-

ника древней русской Церкви, до Кирилла бѣлозерскаго, до Іосифа волоколамскаго, или до другаго какого либо подвижника, что такой-то рабовладѣлецъ жестоко обращается съ своими рабами, лишаетъ ихъ пищи и одежды, нисколько не печется объ нихъ. Человѣколюбивый подвижникъ тотчасъ пишетъ ему посланіе, не взирая на то, кто былъ этотъ рабовладѣлецъ—князь или бояринъ. «Слухъ до меня доходитъ про твое благородство,—пишетъ напр. Іосифъ волоколамскій одному боярину,—что де немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ; тѣснота и скудость велика имъ въ тѣлесныхъ потребахъ; пищей и одеждой не только не довольны, но и съ голоду истаеваютъ, и отъ наготы страдаютъ. А посему я грѣшный осмѣливаюсь напомянуть тебѣ, моему господину, вспомнивъ твою вѣру къ пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ. Хотя и неприлично мнѣ грѣшному, господинъ, писать тебѣ о семъ, и посылать тебѣ наставленіе къ пользѣ и принимать на себя учительскую власть, не имѣя ни ума, ни разсудка очищеннаго; однакожъ, да знаетъ твое боголюбіе, что не мои мысли эти, а я слышалъ ихъ отъ божественнаго Писанія. Оно повелѣваетъ рабовъ своихъ имѣть не какъ рабовъ, но какъ братьевъ миловать, питать и

одѣвать довольно, нещись о спасеніи душъ ихъ, наставлять ихъ всегда на добрыя дѣла, т. е. не творить убійства, не грабить, не красть, не творить прелюбодѣйства, отъ достатковъ своихъ подавать милостыню нищимъ. Такъ господину всегда должно учить ихъ со смиреніемъ многимъ, усердно заботиться о душахъ ихъ и представить ихъ предъ Богомъ чистыми и непорочными. И только, сынъ мой, будетъ такъ, какъ слухъ доходитъ до меня грѣшнаго про твое благородство, что въ каковой тѣснотѣ у тебя нынѣ твои рабы и сироты, право, имъ не только нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ и имѣть къ другимъ милостыню, когда сами съ голоду истаеваютъ, но и отъ худыхъ обычаевъ не удержатся, если не будутъ имѣть пищи и одежды для тѣла и претерпѣвать скудость во всякихъ необходимыхъ потребностяхъ. И ты, господинъ, смотри, какъ божественное Писаніе страшно угрожаетъ и говоритъ: бѣда великая, страшная и мученіе безконечное тѣмъ, которые не пекутся, не имѣютъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, а только работами изнуряютъ и ранами казнятъ, одежды и пищи не даютъ, а голодомъ морятъ; о душахъ ихъ не пекутся, но гордятся и желаютъ суетной и тщетной жизни—прелести свѣта сего, не имѣя той мы-

ели и забывая, что всѣ—созданіе Господне, всѣ—плоть одна, всѣ помазаны однимъ мvромъ, всѣ—въ рукѣ Господа, который кого хочетъ, дѣластъ нищимъ; забывая, что всѣ станемъ предъ единымъ страшнымъ Царемъ на безстрастномъ его судѣ, что таковые властелины будутъ сами преданы въ вѣчную муку. И ты, господинъ, Бога ради побереги себя: ибо и малое небреженіе, господинъ, великія бѣды навлекаетъ; а тѣмъ болѣе бояться должно этого грознаго прещенія къ немилостивымъ и немилосердымъ, и всегда должно помнить Христову евангельскую заповѣдь: якоже хощете да творятъ вамъ человѣцы, творите и вы имъ такожде благая; и блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ. И вотъ, господинъ, Богъ на тебѣ свою милость показалъ, и государь великій князь тебя пожаловалъ: такъ вотъ и тебѣ, господинъ, слѣдуетъ пожаловать своихъ клевретовъ и показать къ нимъ милость, пищей и одеждой удоволить и другими всякими нужными потребами успокоить, и на добрыя дѣла Господни должно всегда поучать.... Прости меня, господинъ, что твое жалованіе и любовь сдѣлали меня смѣлымъ и дерзновеннымъ; со умиленіемъ прошу тебя показать тщательный подвигъ въ попеченіи о рабахъ; а писалъ я тебѣ, господинъ, отъ слу-

ха, да и самъ видѣлъ нужду ихъ» (1). Такъ для древнихъ великихъ мужей нашей Церкви дружба дружбой была, а правда правдой, кого бы она ни касалась—князя или боярина. Не приводимъ еще подобнаго посланія къ князю преп. Кирилла бѣлозерскаго и другихъ многихъ.

И не словомъ только поучали подвижники древней русской Церкви рабовладѣльцевъ, а и примѣромъ. Эти святые мужи были какъ-бы пророками и, если можно такъ сказать, прообразователями грядущей свободы чадъ Божіихъ. Въ то время, какъ толпы земледѣльцевъ и рабовъ бѣгутъ изъ селъ мірскихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ отъ поработительнаго насилія сильныхъ, углубляются все далѣе и далѣе въ дремучія лѣса и тундры огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣверо-восточной Россіи и населяютъ пустыни,—въ тоже время, всегда впереди ихъ, идутъ ходатаи рабовъ, защитники порабощаемыхъ и угнетаемыхъ земледѣльцевъ и рабовъ—св. отшельники. Дѣти богатыхъ рабовладѣльцевъ—Зосима соловецкій, Антоній сійскій, Кириллъ бѣлозерскій, Александръ свирскій, Савва вишерскій, Корнилій вологодскій и цѣлый сонмъ подобныхъ

(1) Дополн. къ акт. истор. т. 1. № 213.

отшельниковъ изъ рода богатыхъ бояръ—рабовладѣльцевъ, измлада напитавшись высокимъ ученіемъ Церкви о рабахъ, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ, по смерти родителей своихъ оставляютъ свои богатыя имѣнья, возвѣщаютъ свободу всѣмъ своимъ рабамъ; а сами уходятъ въ лѣса и дебри отдаленныхъ краевъ Россіи, чтобы тамъ насаждать сѣмена новой жизни, и тамъ еще даютъ льготы многочисленнымъ колоніямъ земледѣльцевъ. И за ними идутъ тысячи народонаселенія, идутъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ непрерывнымъ, стремительнымъ движеніемъ, въ чаяніи чрезъ нихъ защиты, освобожденія, избавленія отъ поработительнаго деспотизма сильныхъ. И вотъ около монастырей и пустынь отшельниковъ, среди дремучихъ дебрей, насаждается множество селъ, деревень и починковъ. Великіе отшельники, однажды навсегда отказавшіеся отъ своихъ селъ и рабовъ, еще далѣе уходятъ отъ наплыва стремящагося къ нимъ народонаселенія въ невѣдомые, непроходимые лѣса сѣвера, куда, выражаясь языкомъ древняго русскаго земледѣльца, ни топоръ, ни коса, ни соха не ходили; но земледѣльцы русскіе, повсюду ходившіе съ своимъ завѣтнымъ топоромъ, косою и сохой, находили и тамъ своихъ покровителей, отшельниковъ, и населяли около нихъ новыя села, деревни и новые починки. Не на-

прасно, а многозначительно было въ исторіи русской Церкви и гражданственности это всеобщее, непрерывное стремленіе народа за великими подвижниками, къ ихъ обителямъ, это постоянное примыканіе къ нимъ отовсюду стекавшагося народонаселенія. Ибо оттуда, изъ этихъ обителей, слышался отрадный для угнетаемаго народа голосъ о нравственно-христіанской свободѣ раба и земледѣльца, такъ безпристрастно, неумолчно и гласно обличавшій жестокосердіе и несправедливость господъ. Около этихъ обителей, и только около нихъ однихъ, находила спасеніе, огражденіе, мирный пріютъ личность, въ обществѣ не признанная, подавляемая, гонимая всеобщимъ стремленіемъ къ порабощенію; ради ихъ и отъ нихъ давались земледѣльцамъ льготы, облегченія въ податяхъ и повинностяхъ и большая свобода труда. О всѣхъ почти великихъ подвижникахъ древніе памятники говорятъ: «должникамъ освобожденіе и искупъ подавалъ, и самъ отпускалъ долги; обидимымъ отъ насилующихъ и немилостивыхъ судей заступникъ бысть предивный, многихъ плѣнныхъ искупилъ и въ своихъ мѣстахъ паки посадилъ» (1).

---

(1) «Житіе Кирилла бѣлозерскаго». сбор. солов. библ. № 219; также «житіе Димитрія прилуцкаго».

Такъ сіяла въ древней русской Церкви идея лучшей участи людей несвободныхъ, и—свѣтъ во тмѣ свѣтился. Смотря на общественную жизнь народа съ точки Христіанства, съ книгою Евангелія, Церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, *гуманности*, задолго прежде, чѣмъ искуственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ и даже сильныхъ потрясеній въ жизни общественной.

Но вотъ фактъ, котораго мы не минуемъ: Церковь сама владѣла крестьянами. Послушаемъ же, что̀ говоритъ и тутъ правда историческая. Во-первыхъ: древніе русскіе князья и цари, не давая Церкви другаго матеріальнаго обезпеченія, сами давали ей земли и крестьянъ; бояре и другіе зажиточные люди передавали Церкви своихъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ; вступавшіе въ монастыри владѣльцы приписывали своихъ рабовъ къ монастырямъ, отказываясь отъ своихъ личныхъ надъ рабами правъ. Наконецъ, самъ народъ охотнѣе шелъ жить по договорнымъ грамотамъ на земли церковныя и монастырскія, чѣмъ на земли боярскія, охотнѣе подчинялся игумепамъ монастырей, чѣмъ сильнымъ міра

сборн. сол. библ. № 805; и тоже во многихъ другихъ житіяхъ.

сего—боярамъ, потому что ему тамъ большею частію было жить лучше,—льготнѣе, обезпеченнѣе. Словомъ, основанія духовныхъ владѣній были совсѣмъ другія, чѣмъ у мірскихъ владѣльцевъ: не насиліе, не порабощеніе, не обращеніе въ холопство лихоимствомъ, сутяжничествомъ и всѣми неправдами. А между тѣмъ достаточно прочитать любую монастырскую уставную грамату, чтобы видѣть какъ заботилась Церковь о своихъ крестьянахъ. Въ уставныхъ граматахъ обыкновенно строго наказывалось монастырскимъ прикащикамъ: «а прилучится нашему крестьянину монастырскому каково дѣло до иныхъ волостей крестьянъ, и пойдутъ къ сроку въ городъ на судъ,— и нашему прикащику и доводчику съ ними за дѣлы итти, и *крестьянъ въ судъ беречи накрѣпко, и отъ того отъ крестьянъ ни поминка, и ни пъзду не имать доводчику ничего*... А если старецъ нашъ или прикащикъ или доводчикъ коего крестьянина изобидитъ чѣмъ нибудь, или не по сей нашей граматѣ что на нихъ возмутъ, и *имъ отъ насъ быть въ пользѣ и смиреніи, и кого чьмъ обидятъ, и намъ велѣть на нихъ доправить вдвое*» (1).

---

(1) См. въ Акт. ист. уставныя граматы Филиппа игум. соловецкаго, также Кирилло-бѣлоозерскаго монастыря, и мн. др.

Пастыри Церкви увѣщевали игуменовъ монастырей и прикащиковъ своихъ вотчинъ оберегать крестьянъ: «Бога ради, будь милостивъ ко крестьяномъ», пишетъ напр. Никонъ игумену Иверскаго монастыря въ граматѣ объ устройствѣ монастырскихъ зданій (1). Во-вторыхъ: крестьяне принадлежали не *лицамъ* духовнымъ, на правахъ личной собственности, какъ было у бояръ, а *учрежденіямъ* духовнымъ: церквамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ. Это далеко не одно и тоже—и духовныя владѣнія подлежатъ совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія. Въ-третьихъ: кто прежде всѣхъ выразилъ мысль—отказаться отъ крестьянъ? Кто прежде всѣхъ поднялъ вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть крестьянами?—Сама же Церковь,—по крайней мѣрѣ лучшіе и передовые въ ней люди. Извѣстно, какъ напр. разсуждалъ объ этомъ еще митрополитъ Кипріанъ, какъ сильно спорилъ знаменитый отшельникъ Нилъ сорскій съ Іосифомъ волоколамскимъ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть крестьянами, какъ на сторонѣ преп. Нила были пустынники бѣлозерскіе. Отъ времени до времени, почти чрезъ весь періодъ владѣнія крестьянами, изъ среды духовенства

---

(1) *А. И.* т. IV, стр. 192.

не переставали возникать голоса противъ этого владѣнія. Если же при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III духовенство на соборѣ торжественно не согласилось отказаться отъ владѣнія крестьянами: то вѣдь тогда вопросъ былъ только о передачѣ духовныхъ крестьянъ боярамъ и служилымъ людямъ, а не о томъ, чтобы дать крестьянамъ свободу: слѣдовательно предметомъ спора былъ только *фактъ* владѣнія ими, а не *право;* права же духовенства, если не въ гражданскомъ, то въ нравственномъ смыслѣ были тѣже, по этому предмету, что у бояръ, и даже чище и нравственнѣе, потому что духовенство пріобрѣтало крестьянъ не насиліемъ, порабощеніемъ, сутяжничествомъ, а добровольными жертвами мірскихъ владѣльцевъ и самыхъ князей, не менѣе добровольнымъ поселеніемъ крестьянъ на духовныхъ земляхъ и только отчасти—покупкою. А если бы дѣло шло объ освобожденіи крестьянъ, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что Церковь не постояла бы за свои владѣнія. Опять не надо забывать, что духовные крестьяне принадлежали не лицамъ, а учрежденіямъ церковнымъ: а при этомъ отказъ духовенства великому князю Іоанну III получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ—если бы отказывали лица, отстаивая свои личныя преимущества и выгоды: отдѣльныя же духовныя лица пока-

зывали и въ этомъ отношеніи примѣры поучительные. Знаменитый московскій священникъ XVI вѣка, Сильвестръ въ своемъ «Домостроѣ» говоритъ сыну: «работныхъ своихъ я всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупилъ изъ рабства и на свободу попускалъ. И всѣ тѣ работные наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ ты видишь, и молятъ за насъ Бога и доброхотствуютъ всегда. И домочадцы наши нынѣ всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ» (1).

Церковь даже русскимъ царямъ излагала основанія для благоустройства крестьянъ. Такъ въ «*словѣ о правдѣ*», приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «если поискать въ нынѣшнее время благовѣрнаго царя, то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ—до самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Преж-*

(1) *Временникъ* Имп. моск. общ. истор. кн. 1. матер. стр. 31—33. 49. 97. 109. 111.

де же всего нужны земледѣльцы; отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а *хлѣбъ главизна всѣхъ благъ*... Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; *на ямскія расходы много серебра выходитъ*. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры—писари ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то *отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врозь*, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію—отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами*; ибо владѣютъ большими прибытками. *Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и про-*

дають. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и *писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ*» (1). Такъ Церковь заботилась объ улучшеніи быта крестьянъ, когда и сама владѣла ими, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ.

Что же? Внимало ли древнее русское общество голосу Церкви? Слушались ли его древніе рабовладѣльцы? Внимали и слушались, но только поздно и не вполнѣ. Плодомъ вѣковаго ученія Церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей—былъ вѣковой же обычай въ древней Россіи только при смерти отпускать на волю своихъ рабовъ. При смерти и князья освобождали своихъ рабовъ. Про одного волынскаго князя XIII вѣка лѣтопись говоритъ, что, когда онъ, при одномъ предпріятіи, по обычаю того времени, раскрылъ книгу св. Писанія, ему открылись слова Христовы: «Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя, отпустити сокрушенныя во отраду» и проч.,—и онъ при смерти всѣхъ «работныхъ освободилъ» (2). Но вотъ умираетъ и тотъ жестокосердый рабовладѣлецъ, который всю жизнь свою провелъ

---

(1) Архивъ историко-юрид. свѣдѣній о Россіи. кн. 2. пол. 1.

(2) Ипат. лѣт. стр. 206—219.

въ порабощеніи людей, и котораго всю жизнь обличала Церковь,—и тутъ-то, при видѣ гроба, при воплѣ и терзаніяхъ совѣсти, вспоминался ему голосъ Церкви,—и онъ въ своей духовной изрекалъ: «всѣмъ моимъ кабальнымъ людямъ воля; которые мои люди полные, и докладные и кабальные и всякіе люди, прикащикамъ моимъ тѣхъ всѣхъ людей отпустить на свободу, дать имъ отпускные и надѣлить ихъ изъ моего живота деньгами и хлѣбомъ». Теперь-то рабовладѣлецъ, доселѣ безчеловѣчно издѣвавшійся надъ своими рабами и рабынями, теперь-то слышалъ упрекающій, вопіющій голосъ совѣсти и Церкви,—и самъ на одрѣ смертномъ просилъ прощенія у всѣхъ своихъ рабовъ: «сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ въ своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ есьми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ,—согрѣшилъ во всемъ и предъ ними виноватъ: простите меня грѣшнаго и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» (1). Но въ томъ же умирающемъ рабо-

(1) *Акт. юридич.*, изд. Калачевымъ. т. 1. № 86.

владѣльцѣ происходила еще тяжкая, предсмертная борьба двухъ противоположныхъ стремленій, господствовавшихъ и во всѣмъ тогдашнемъ обществѣ, съ одной стороны—земнаго, грубаго стремленія къ порабощенію, съ другой стороны—духовнаго, нравственно-христіанскаго стремленія къ освобожденію; тотъ же самый рабовладѣлецъ, который умирая дрожащей рукой писалъ духовную—отпускную своимъ рабамъ, молится о своемъ сынѣ: «умножь, Господи, имѣніе его и распространи села его, да разбогатѣетъ домъ его рабы и рабынями и всякими скоты». Тотъ же рабовладѣлецъ, который, по господствующему обычаю, половину рабовъ отпускаетъ, остальныхъ рабовъ удерживаетъ въ холопствѣ, и у гроба пишетъ завѣщаніе: «благословляю свою жену и сына своего своими холопами и полными людьми» (1).

Такъ древне-русское общество съ трудомъ мирилось съ высокою идеею христіанской, нравственной свободы и не созрѣло еще для полнаго осуществленія ея. Въ XVII в. совершилось укрѣпленіе несвободныхъ людей къ землѣ. Въ XVIII вѣкѣ это укрѣпленіе возведено въ крѣпостное право и, если можно

(1) Акт. юрид. т. 1. стр. 558 и слѣд.

такъ сказать, въ душевладѣніе. Вѣкъ этотъ, столько же, если еще не болѣе, мрачный, сколько и великій въ нашей исторіи, вѣкъ узурпаторства, преобладанія сильныхъ, разрозненія сословій, вѣкъ матеріализма и чувственныхъ нравовъ, едвали не былъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ вѣковъ для нашего народа, для его низшихъ классовъ. Такъ нынѣ объ этомъ вѣкѣ уже прямо говорятъ и пишутъ; намъ можно объ немъ еще одну правду сказать. По идеѣ гражданственности, впрочемъ плохо понятой, и по иноземному вліянію, тогда унижено было въ обществѣ духовенство, которое въ слѣдствіе этого униженія стало и нравственно слабѣть, упадать, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, закоснѣло въ школьной рутинѣ, какъ-бы замкнулось въ своей кастѣ. Въ тоже время, какъ духовенство было унижено, по тойже идеѣ, непомѣрно было возвышено, привиллегировано, въ ущербъ другимъ сословіямъ, землевладѣтельное сословіе. XVIII вѣкъ былъ въ исторіи нашей почти исключительно вѣкомъ развитія аристократизма, а не развитія народа, всего народа. Но каковъ былъ этотъ аристократизмъ XVIII вѣка? Достаточно вспомнить, какъ описалъ его Фонъ-Визинъ, и какъ изображается онъ въ мемуарахъ XVIII вѣка. Дворянство считало своимъ

исключительнымъ гербомъ *честь*, а низшимъ классамъ, даже въ печати и въ публичныхъ актахъ, усвоено было названіе *подлаго народа*. Тогда утверждено и крѣпостное право на цѣлыя поколѣнія, милліоны народа. Но непріятные случаи, возникавшіе изъ отношеній между крестьянъ и помѣщиковъ во второй половинѣ XVIII вѣка, движенія крестьянъ при Пугачевѣ, можно сказать, были первыми плодами крѣпостнаго права.

Что же? Ужели та великая идея разумно-человѣческой, нравственной свободы, которая, прямо истекая изъ духа Христіанства, составляетъ одно изъ самыхъ жизненныхъ началъ истиннаго прогресса человѣчества, ужели она должна была только блеснуть для несвободныхъ людей изъ древней нашей Церкви, и потомъ изчезнуть навсегда? Нѣтъ! *Ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно... сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ.* «Не умираютъ тѣ идеи, скажемъ словами одного нашего писателя, которымъ опредѣлено быть вѣчными; умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, за тѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему

міру. Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русскаго и что освящено Христіанствомъ». Не даромъ простой народъ нашъ доселѣ помнитъ и съ живымъ сочувствіемъ разсказываетъ про древнихъ благочестивыхъ пастырей и подвижниковъ русской Церкви, которые защищали его отъ угнетенія и неправды, и всегда выражаетъ при этомъ желаніе—нынѣ имѣть такихъ пастырей и учителей, прилагавшихъ ученіе Христово къ самой жизни ихъ, къ насущнымъ, нравственнымъ потребностямъ народа. И древній горькій заточникъ въ своемъ унынiи не доходилъ до отчаянія, а и на дикихъ берегахъ Лача-озера также чаялъ освобожденія. И всѣ древніе русскіе люди, съ какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ перечитывавшіе краснорѣчивый плачь горемычнаго заточника, были вполнѣ увѣрены, что рано или поздно осуществится идея Церкви объ улучшеніи быта народнаго, правда восторжествуетъ и заточникъ будетъ помилованъ и освобожденъ. Въ народѣ русскомъ въ древнее время сложилась даже замысловатая повѣсть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое «моленіе» въ воскъ, бросилъ завощеный свитокъ въ озеро; свитокъ поглотила рыба; рыбакъ поймалъ рыбу, и, нашедши въ ней свитокъ, принесъ къ князю; князь прочелъ и повелѣлъ заточника

освободить отъ горькаго заточенія.—Вотъ, благодареніе Богу! мы дожили, мы живемъ въ ту великую эпоху, когда Царь нашъ возвѣстилъ лучшую участь вѣковому, бѣдному заточнику—крѣпостному народу русскому.

М. Г! Къ чему,—быть можетъ, подумаете вы,—вспоминать голосъ древней русской Церкви объ улучшеніи быта людей несвободныхъ, когда нынѣ уже живой, громогласный и дѣйственный голосъ разнесся по Россіи.—Къ тому, что современная русская Церковь, свидѣтельница улучшенія жизни крестьянъ, какъ непосредственная преемница древней русской Церкви, есть вмѣстѣ съ тѣмъ преемница и всѣхъ ея высокихъ, христіанскихъ идей. Если древняя наша Церковь сѣяла *голое зерно*, возвѣщала только идею улучшенія быта несвободныхъ людей, то современная Церковь наша призывается голосомъ древней Церкви возрастить, воспитать *будущее тѣло*, раскрыть, уяснить народу высокое нравственное значеніе свободы, развивать, воспитывать въ духѣ истинной, нравственно-христіанской свободы духовно-нравственную жизнь народа, раскрывать, вырабатывать и приводить въ дѣйствіе начала нравственнаго улучшенія быта народнаго. Свобода не принесетъ всей пользы народу, если не будетъ имѣть нравственнаго направленія, нравственныхъ основаній: иначе

она можетъ быть даже вредна для него, будетъ не лучше средневѣковаго разгула матеріальной силы и произвола. Вотъ къ чему призываются нынѣ современные пастыри русскаго народа, современная духовная наука и литература, чтобы быть вѣрными живымъ преданіямъ древней нашей Церкви, развить, провести въ жизнь общества и оплодотворить ея высокія и прекрасныя идеи.

—